

СЕТЕВАЯ ВОЙНА КАК ФОРМА ЭСКАЛАЦИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ю. Л. БАНЬКОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный аграрный технический университет,
пр. Независимости, 99, 220012, г. Минск, Беларусь

Исследуется феномен сетевой войны, выявляются его сущностные признаки. Необходимость изучения специфики данного явления обусловлена диффузной амбивалентностью основных направлений движения социума: созидательных и деструктивных трендов развития социальной системы, нормативно-правовых и ресурсно-ценностных устремлений индивидов и групп, позитивного и негативного воздействия конфликтов на общественные процессы. Реконструкция концептуальных оснований сетевой войны способствует прояснению качественных характеристик функционирования современного общества, существование которого сопровождается интенсивным распространением сетевых образований и возрастанием их влияния на все сферы жизнедеятельности человека. Эвристический потенциал социально-философского исследования сетевых структур заключается в выявлении их специфических характеристик: многоканальности, открытости, анонимности, децентрализованности, физической дистанционности акторов и опосредованности их взаимодействия, возможности быстрой эскалации конфликта, публичности, сенсорной редуцированности. Рассмотрение сетевых структур в качестве сложного, полифункционального, многоуровневого и поливариативного образования позволяет исследовать особенности конфликтного взаимодействия людей. Расширение возможностей для формирования общественного мнения и манипулирования поступками и действиями как отдельного человека, так и социальной группы выступает особенностью современного информационно-коммуникационного пространства.

Ключевые слова: сетевые структуры; сетевая война; информация; коммуникация; конфликт.

NETWORK WAR AS A FORM OF CONTRADICTIONS ESCALATION IN MODERN SOCIETY

Y. L. BANKOUSKAYA^a

^aBelarusian State Agrarian Technical University,
99 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220012, Belarus

The purpose of the article is to study the phenomenon of network warfare, to identify its essential features. The need to clarify the specifics of this phenomenon is due to the diffuse ambivalence of the three main directions: creative and destructive trends in the development of the social system, regulatory and resource-value aspirations of individuals and groups, positive and negative impact of conflicts on social processes. The reconstruction of the conceptual foundations of the network war contributes to clarifying the qualitative characteristics of modern society functioning, the specifics of whose existence is due to the increasing spread of network formations and the increase in their influence on all spheres of human activity. The heuristic potential of network structures socio-philosophical study is to identify their specific characteristics that affect the process of the deployment of contradictions, such as multichannel, openness, anonymity, de-centralisation,

Образец цитирования:

Баньковская Ю.Л. Сетевая война как форма эскалации противоречий в современном обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2023;1:17–22.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-17-22>

For citation:

Bankouskaya YL. Network war as a form of contradictions escalation in modern society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2023;1:17–22. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-17-22>

Автор:

Юлия Леонидовна Баньковская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин инженерно-технологического факультета.

Author:

Yuliya L. Bankouskaya, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social and humanitarian disciplines, faculty of engineering and technology.
ulia_bank@tut.by
<https://orcid.org/0000-0001-9287-7261>

physical distancing of actors, the mediated nature of their interaction, the possibility of rapid escalation of conflict, publicity, sensory reduction. Consideration of network structures as a complex, branched, multifunctional, multilevel and multivariate formation makes it possible to clarify the features of people's conflict interaction. The increase in opportunities for manipulating the deeds and actions of both an individual and a social group, the focus on the formation of public opinion, the lack of reflection aimed at clarifying the essence of the existing problems, is a feature of human existence in the modern information and communication space.

Keywords: network structures; network warfare; information; communication; conflict.

Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается возникновением новых угроз для современного общества. Сегодня социальные сети используются в качестве инструмента воздействия на общественное мнение и расширяют возможности для манипуляций сознанием людей. Транспарентность государственных границ приводит к тому, что в конфликте могут быть задействованы социальные сети разных стран мира. Традиционная модель развертывания конфликтов трансформируется, следовательно, актуализируется необходимость осмысления сетевых процессов.

Универсальный характер сетевой войны проявляется в том, что она охватывает все стороны социальной деятельности человека и выступает одной из доминирующих форм противостояния государств. «Термин “сетевая война” призван привлечь внимание к перспективе того, что сетевые конфликты и преступность станут основными явлениями в ближайшие десятилетия» [1, с. 6]. Социально-философский анализ сущности сетевой войны необходим по причине ее полифункционального влияния на процессы, происходящие в обществе.

Концепция сетевых войн, основанная на принципе роения, впервые была выдвинута Дж. Аквиллой [1]. Так, следует разграничивать понятия «сетевая война», «информационная война», «сетевая война», «гибридная война» и «кибервойна». Сегодня информационные войны приобретают глобальный, всеобъемлющий характер. В современных исследованиях сложилось множество подходов к рассмотрению этого сложного и многогранного феномена.

В рамках геополитического подхода информационная война рассматривается в качестве разновидности межгосударственного конфликта, направленного на получение преимуществ в экономическом или политическом противостоянии. Д. Б. Фролов характеризует данный феномен как «совокупность взаимоотношений между субъектами мирового сообщества или политической системы общества, в рамках которых одни субъекты путем активного воздействия на информационную сферу других субъектов стремятся получить превосходство в экономической, политической, военной и иной области» [2, с. 121].

Психологический подход акцентирует внимание на исследовании воздействия информации на сознание человека. «Технологии психологического воздействия используются как психотропное ору-

жие, как эффективный инструмент ведения широкомасштабных информационно-психологических войн» [3, с. 209].

В рамках коммуникативного подхода информационная война рассматривается в качестве «коммуникативной технологии по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями» [4, с. 84]. Нестабильность информационно-коммуникативного пространства актуализирует значимость исследования информационных угроз, дестабилизирующих общество, нарушающих политические, технические, правовые, аксиологические и психологические аспекты национальной безопасности.

Военный подход основывается на рассмотрении данного феномена в ракурсе вооруженного противостояния. А. В. Манойло характеризует сетевую войну как «вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия» [5, с. 307].

Таким образом, информационная война представляет собой одну из разновидностей конфликта, ориентированного на достижение экономических, политических и социокультурных целей посредством комплекса мероприятий. Информационные сети представляют собой новый социокультурный способ конструирования реальности. Они стали использоваться не только в качестве коммуникативной площадки, расширяющей возможности для обмена сообщениями между отдельными субъектами и социальными группами, но и в качестве инструмента эскалации противоречий в обществе.

Гибридная война представляет собой новую форму ведения военных действий, основанную на применении оружия с новыми информационно-техническими средствами нелетального воздействия. В ее основе лежит использование информационных технологий в целях прикрытия военных действий при экономическом давлении. «Гибридная война – это совмещение реальной атаки и символического насилия. Символический терроризм, как одно из самых эффективных средств современной войны, нацелен не на максимальное количество жертв, а на максимальный спецэффект (театральность) от семиотического ущерба» [6, с. 146]. Гибридная война, действуя на центры принятия решений, ведется на физическом, информационном и сетевом уровнях.

Неотъемлемой составляющей сетецентрической войны является военная операция, что в рамках сетевой войны необязательно. Сетевая война ориентирована на воздействие на любые социальные группы в целях установления контроля над приоритетными для данного противоборства сферами жизнедеятельности общества. Это форма социально-политического конфликта, реализуемого с помощью сетевых технологий. Изменения вектора общественного развития осуществляются посредством информационного воздействия на сознание отдельного человека и всей социальной группы.

Кибервойна ориентирована на использование специальных программ для нанесения ущерба промышленным, военным и иным предприятиям. Она имеет два аспекта: технологический и гуманитарный. Технологический аспект связан с использованием субъектами специальных программных средств и компьютерных технологий в целях воздействия на информационную систему. Гуманитарный аспект ориентирован на применение социальных сетей для дезинформационного влияния и формирования определенного общественного мнения. Информация используется в качестве нелетального оружия, воздействующего не только на информационно-технические средства, но и на сознание противника. Таким образом, объектом влияния становятся как технические средства, в функционировании которых нарушается работа сети вследствие внедрения вирусов, логических бомб и других тактических приемов, так и социальные группы, на восприятие и понимание которых оказывается психологическое давление. Дж. Акрилла отмечает, что под кибервойной следует понимать конфликты, характеризующиеся высоким и средним уровнем интенсивности, в то время как для сетевой войны присущ низкий уровень интенсивности [1].

Сетевая война является новым типом гибридных войн и разновидностью информационного противоборства. А. Г. Дугин отмечает, что современные сетевые войны разворачиваются в физической, информационной, когнитивной и социальной сферах жизнедеятельности человека. Для физической сферы присуще реальное столкновение боевых сил, являющееся результатом предельного эффекта воздействия сетевых технологий. В информационной сфере наблюдается процесс накопления, обработки и передачи сообщений. В когнитивной сфере затрагиваются аспекты восприятия и осмысления конфликтной ситуации. В социальной сфере раскрываются исторические, культурные, религиозные, психологические и этнические предпосылки войны [7, с. 11–13]. Кроме того, сетевые войны затрагивают сферу экономического пространства. В таком случае средствами противоборства выступают санкции, эмбарго, кредиты. Сетевая война – это новый способ

организации социального конфликта, форма информационного противоборства, осуществляемого посредством коммуникативных сетей в целях манипулирования поступками и действиями акторов.

Динамичность, расширение зоны пространственного охвата, увеличение количества участников и возможность одновременного вовлечения в противостояние людей из разных государств приводят к тому, что нивелирование деструктивных последствий сетевых войн становится одной из серьезных угроз современному миру. Сетевые конфликты выходят на транснациональный, мультикультурный, глобальный уровень. Использование ИКТ позволяет нивелировать географическую рассредоточенность субъектов.

Целью сетевой войны является негативное воздействие на систему управления противоборствующих сторон, невозможность своевременного и действенного принятия необходимых решений, манипулирование общественным мнением, создание атмосферы политической напряженности, нестабильности, недоверия, хаоса и подозрительности, провоцирование столкновений и массовых беспорядков. Создаются условия для поляризации социальных групп, разделения общества на конфликтующие социальные группы. Результатом взаимной вражды становится либо столкновение противоборствующих объединений, либо их агрессия, направленная против действующих властных структур. Вследствие подрыва доверия к управленческим структурам, дестабилизации социально-политической обстановки создается атмосфера общественного недоверия и напряженности. При этом используются такие средства, как дезориентация социальных групп, дискредитация определенных социальных институтов, дезинформирование о проблемной ситуации, изменение общественного мнения. Сложившаяся модель функционирования общества преобразуется.

Действующими лицами сетевой войны становятся транснациональные террористические группы, наркокартели и другие преступные синдикаты, фундаменталистские движения, контрабандисты, ополченцы, боевики, радикалы, активисты, осуществляющие свою деятельность при помощи интернета. «Ведущим сетевую войну актором является не отдельное государство, но гибкая и многоуровневая структура» [8, с. 22]. Создаются новые формы межличностного взаимодействия.

Сетевая война характеризуется расплывчатостью географических границ. Реально проводимые военные действия могут быть удалены от зоны сетевого конфликта. Государства способны оказывать опосредованное воздействие на проведение боевых действий. «Это общая тенденция современных войн, в которых обмен ударами идет на дальних дистанциях, без опасного сближения, провоцирующего

лобовое столкновение» [9, с. 45]. Характерными признаками сетевой войны выступают мобилизация протестных сил и использование их для приобщения новых сторонников, поддержка конфликтного противостояния с помощью иностранных средств коммуникации.

Специфика сетевой войны проявляется в глобальности пространственных масштабов воздействия на общественное мнение. Информация оказывает влияние на социальную позицию всего мирового сообщества, в результате чего «виртуальный класс становится глобальной силой цифровой супермагистрали» [10, р. 6]. Социальные сети не только обретают роль наиболее распространенного и доминирующего объекта информирования, формирующего общественное мнение, но и превращаются в одно из самых действенных средств манипулирования и вербовки.

Особенностью сетевой войны выступает асимметричность. Она может проявляться в том, что небольшое слабовооруженное государство способно нанести серьезный ущерб другой стране, которая значительно превосходит его в военном плане. Полифункциональность и всеохватность сетевых структур обуславливает их глобальное влияние на социальные процессы.

Субъектами военных действий становятся не специально подготовленные люди, а социальные группы. Более того, в большинстве случаев основными участниками противостояния выступают граждане, не представляющие органы государственной власти. Конфликты, осуществляемые с помощью сетевых способов коммуникации, приводят к усилению значимости позиций, занимаемых негосударственными субъектами.

Сетевая война основана на использовании информации как мощного инструмента воздействия на оппонента. Интернет позволяет привлечь к проблеме внимание множества граждан. Информация становится бесконтактным способом воздействия на сознание и поведение людей. Ее использование направлено на трансформацию сознания не только отдельной личности, но и социальных групп.

Для оказания воздействия на общественное мнение используются искаженные сведения. Так, социальные сети, представляя собой значимый канал распространения новостей о происходящих событиях, нередко транслируют недостоверную информацию. Фейковые сообщения предназначены не столько для привлечения внимания большого количества людей к проблеме, сколько к их побуждению к определенным действиям. Типичным примером является ситуация, когда в интернете «...загружается постановочная фейковая фотография (или письмо, обращение, статья, “экстренное” сообщение) на любую тему, вызывающую к врожденным человеческим чувствам сострадания и справедливо-

сти. Миллионы посмотревших фото эмоционально воспринимают контент, не обращая внимания на детали и противоречия, и принимают решение, на которое изначально рассчитывал публикатор для достижения собственных целей» [11, с. 21–22]. Часто в восприятии реальности субъекты ориентированы не на критическое осмысление ситуации, а на личные убеждения, индивидуальное ценностное отношение к происходящим событиям.

Сложность осуществления контроля над всеми поступающими в социальные сети данными подрывает национальную безопасность государства. Информационное воздействие социальных сетей приводит к изменению традиционных норм морали и права, трансформации мировоззрения и культурных кодов, ориентации на ценностно-нормативные стандарты стран Западной Европы и США. В результате формируется усредненный сетевой пользователь, которым легко манипулировать. Он не способен отличить подлинную информацию от ложной и может «выйти на акции протеста против действующей власти по первому же призыву из социальных сетей, даже не задумываясь о правильности своего поступка» [12, с. 13].

В ситуации конфликта информация в социальных сетях практически не бывает ценностно нейтральной. Она направлена на формирование определенного видения проблемы. События интерпретируются таким образом, чтобы спроектировать нужную ценностно-мировоззренческую позицию социального окружения противника. Как отмечал Ф. Фукуяма, «чтобы сети действительно были способны преуспеть в создании порядка, они неизбежно должны зависеть от неформальных норм, занимающих место формально в организации, другими словами, от социального капитала» [13, с. 187].

Высокая скорость трансляции сообщений при одновременном отсутствии возможности рационального восприятия информации приводит к формированию клипового мышления. «Мышление сетевого человека клиповое, то есть основанное на оперативном поверхностном восприятии массы разрозненных фрагментов информации. Ценность информации, получаемой пользователем от сети, определяется по кодам, ключевым словам, а не по содержанию. <...> Сетевое мышление стереотипно, шаблонно и легко программируемо» [14, с. 2627–2628]. В подобной ситуации невозможно критически осмыслить большой массив данных. Часто человек не стремится самостоятельно анализировать поступающую информацию, предпочитая опираться на суждения других людей.

Для сетевых войн присуще максимально возможное сохранение анонимности субъекта, предоставляющего информацию. С одной стороны, анонимность, снижение значимости авторитетов и увеличение доли диссоциативного воображения

создают эффект расслабления в процессе коммуникации [15]. С другой стороны, возникает множество споров о том, кто является подлинным организатором, продуцирующим эскалацию конфликта. Бесконтрольное размещение деструктивных анонимных сообщений становится одним из наиболее действенных преимуществ при ведении сетевой войны. Идентификация человека, распространяющего ложные сведения, и их опровержение требуют значительных затрат.

Применение мультимедийных технологий увеличивает возможности воздействия на сознание больших социальных групп. Постановочные видео или достоверные материалы с наложением определенных комментариев оказывают влияние на формирование общественного мнения. Публикация в социальной сети сообщений о многочисленных жертвах, кадров, снятых «очевидцами» событий, при отсутствии подобных новостей в официальных источниках информации приводит к состоянию массового психоза. Человек перестает анализировать поступающие сведения, испытывает страх и агрессию.

Социальные сети расширяют свои возможности благодаря открытости и ориентации на постоянное привлечение новых пользователей. «Если прежде каждый актер сосредоточивался на своем ресурсе, то сегодня актеры пытаются расширить свою ресурсную базу за счет других, ранее не характерных для них ресурсов, и привлекают непрофессионалов» [16, с. 109].

Урегулирование конфликтов затрудняется вследствие ряда деструктивных факторов. Во-первых, доля манипуляторных тенденций все больше увеличивается при одновременном снижении количества достоверных сведений. Во-вторых, информационная перегрузка содействует фрагментарности знаний человека о проблеме и недостаточности ее критического осмысления. В-третьих, снижение информационной грамотности населения обусловлено недостаточным уровнем рефлексии сложившихся противоречий. Экстенсивный характер конфликтной ситуации, угроза разрушения социальной сети требуют изменения существующих механизмов взаимодействия сетевых структур.

Основным ресурсом, за обладание которым в современном обществе разворачивается борьба, становится информация. Следствием ее деструктивного использования является угроза национальной безопасности государства. Современная система национальной безопасности не может в полной мере противостоять новым рискам. В целях противодействия сложившейся ситуации необходимо принять ряд мер. Во-первых, следует контролировать использование ИКТ деструктивными организациями, следить за появлением сайтов, представляющих ин-

формацию, которая нарушает стабильность функционирования общества. Выявление организационного потенциала сетевой группы, мониторинг ее ресурсов являются значимыми аспектами в оценке возможных угроз. Во-вторых, необходимо предоставлять гражданам полную информацию о проблеме для недопущения распространения слухов, провоцирующих страх, тревожность и беспокойство. Недостоверные сведения из заслуживающих доверия источников заставляют сомневаться в эффективности деятельности органов власти. Для предотвращения негативного воздействия сетевых технологий органы государственной власти осуществляют легитимный контроль над информацией. Необходимость раскрытия анонимности и ограничение доступа к частным сведениям становится одной из задач по сохранению стабильности социального развития. В-третьих, техническая защита информации требует усовершенствования. В-четвертых, должны быть сформированы дополнительные механизмы для межгосударственного сотрудничества в этом вопросе.

Социальные сети представляют собой уникальный инструмент, используемый для информирования граждан, тиражирования успешных стратегий, образования и обмена ресурсами. Развитие ИКТ позволило расширить возможности межличностного взаимодействия. В то же время неотъемлемым атрибутом функционирования современного общества стало образование новой модели войны.

Выявление специфических характеристик сетевой войны обусловлено необходимостью не только познания новых форм взаимоотношений людей, но и поиска путей практического воздействия на функционирование социальной реальности. Сетевая война, как новая разновидность информационного противоборства, обусловлена такими качественными особенностями сетевых процессов, как физическая дистанцированность акторов, опосредованность и анонимность их взаимодействия, снижение уровня ответственности за совершаемые действия, открытость для новых элементов, возможность быстрой эскалации противоречий и координации деятельности множества субъектов.

Применение ИКТ в целях воздействия на поведение человека и формирования определенного общественного мнения становится действенным способом изменения направленности развития государства. Манипулирование поступками человека делает сетевые войны мощным оружием. Одной из типичных реакций граждан на дезинформацию является паника. Отсутствие четко ограниченного пространства информационного противостояния, анонимность лиц, осуществляющих манипулятивное воздействие, обуславливают невозможность изменения международных норм права.

Библиографические ссылки

1. Arquilla J, Ronfeldt D. *Networks and netwars. The future of terror, crime, and militancy*. Santa Monica: RAND; 2003. 376 p.
2. Фролов ДБ. Информационная война: эволюция форм, средств и методов. *Социология власти*. 2005;5:121–143.
3. Кириченко АВ. Информационно-психологические войны: современные тенденции и технологические возможности. *Акмеология*. 2015;56(4):209–214.
4. Почепцов ГГ. *Информационные войны. Новый инструмент политики*. Москва: Алгоритм; 2015. 256 с.
5. Манойло АВ. Технологии современных информационных войн. *Политическая наука*. 2017;специальный выпуск:306–325.
6. Сидоренко ИН. *Философия насилия: от метафоры к концепту*. Минск: БГУ; 2017. 175 с.
7. Дугин АГ. Сетецентрические войны. Новая теория войны. В: Коровин В, составитель. *Сетевые войны: угроза нового поколения*. Москва: Евразийское движение; 2009. с. 7–17.
8. Дугин АГ. Теоретические основы сетевых войн. В: Коровин В, составитель. *Сетевые войны: угроза нового поколения*. Москва: Евразийское движение; 2009. с. 18–44.
9. Манойло АВ. Гибридизация мировой политики. В: Цыганков ПА, редактор. *Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений*. Москва: Горячая линия – Телеком; 2017. с. 44–96.
10. Kroker A, Weinstein MA. *Data trash. The theory of the virtual class*. Montreal: New World Perspectives; 1994. 176 p.
11. Виссия ХЭРМ, Краснопрошин ВВ, Вальвачев АН. *Принятие решений в информационном обществе*. Санкт-Петербург: Лань; 2019. 228 с.
12. Медовкина ЛЮ. Особенности евразийской модели сетевой войны. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: «Политология. Религиоведение»*. 2020;32:7–19. DOI: 10.26516/2073-3380.2020.32.7.
13. Фукуяма Ф. *Великий разрыв*. Александрава АВ, переводчик. Москва: АСТ; 2003. 474 с.
14. Егорова АГ. Сетевое мышление: деградация или прогресс? *Фундаментальные исследования*. 2014;9(часть 12):2626–2629.
15. Green MC. Trust and social interaction on the Internet. In: Joinson A, McKenna K, Postmes T, Reips U-D, editors. *Oxford handbook of Internet psychology*. New York: Oxford University Press; 2007. p. 43–52.
16. Лебедева ММ. «Идеальный шторм» как результат гибридизации мировой политики. В: Цыганков ПА, редактор. *Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений*. Москва: Горячая линия – Телеком; 2017. с. 97–111.

References

1. Arquilla J, Ronfeldt D. *Networks and netwars. The future of terror, crime, and militancy*. Santa Monica: RAND; 2003. 376 p.
2. Frolov DB. [Information warfare: the evolution of forms, means and methods]. *Sotsiologiya vlasti*. 2005;5:121–143. Russian.
3. Kirichenko AV. Informational-psychological war: modern trends and technological capabilities. *Akmeologiya*. 2015;56(4):209–214. Russian.
4. Pocheptsov GG. *Informatsionnye voyny. Novyi instrument politiki* [Information wars. A new policy tool]. Moscow: Algoritm; 2015. 256 p. Russian.
5. Manoilo AV. [Technologies of modern information wars]. *Politicheskaya nauka*. 2017;special issue:306–325. Russian.
6. Sidorenko IN. *Filosofiya nasiliya: ot metafory k kontseptu* [Philosophy of violence: from metaphor to concept]. Minsk: Belarusian State University; 2017. 175 p. Russian.
7. Dugin AG. [Network-centric wars. A new theory of war]. In: Korovin V, compiler. *Setevye voyny: ugroza novogo pokoleniya* [Network wars: the threat of a new generation]. Moscow: Evraziiskoe dvizhenie; 2009. p. 7–17. Russian.
8. Dugin AG. [Theoretical foundations of network wars]. In: Korovin V, compiler. *Setevye voyny: ugroza novogo pokoleniya* [Network wars: the threat of a new generation]. Moscow: Evraziiskoe dvizhenie; 2009. p. 18–44. Russian.
9. Manoilo AV. [Hybridisation of world politics]. In: Tsygankov PA, editor. *Gibridizatsiya mirovoi i vneshnei politiki v svete sotsiologii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Hybridisation of world and foreign policy in the light of the sociology of international relations]. Moscow: Goryachaya liniya – Telekom; 2017. p. 44–96. Russian.
10. Kroker A, Weinstein MA. *Data trash. The theory of the virtual class*. Montreal: New World Perspectives; 1994. 176 p.
11. Vissiya KhERM, Krasnoprosin VV, Val'vachev AN. *Prinyatie reshenii v informatsionnom obshchestve* [Decision-making in the information society]. Saint Petersburg: Lan'; 2019. 228 p. Russian.
12. Medovkina LYu. [Features of the Eurasian model of network warfare]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: «Political Science and Religion Studies»*. 2020;32:7–19. Russian. DOI: 10.26516/2073-3380.2020.32.7.
13. Fukuyama F. *Velikii razryv* [The great gap]. Aleksandrova AV, translator. Moscow: AST; 2003. 474 p. Russian.
14. Egorova AG. [Network thinking: degradation or progress?]. *Fundamental Research*. 2014;9(chapter 12):2626–2629. Russian.
15. Green MC. Trust and social interaction on the Internet. In: Joinson A, McKenna K, Postmes T, Reips U-D, editors. *Oxford handbook of Internet psychology*. New York: Oxford University Press; 2007. p. 43–52.
16. Lebedeva, MM. [«The perfect storm» as a result of the hybridisation of world politics]. In: Tsygankov PA, editor. *Gibridizatsiya mirovoi i vneshnei politiki v svete sotsiologii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Hybridisation of world and foreign policy in the light of the sociology of international relations]. Moscow: Goryachaya liniya – Telekom; 2017. p. 97–111. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.12.2022.
Received by editorial board 24.12.2022.